

Глава 23. Обида

Слова Цю Чуаньцзуна вызвали у собравшихся лишь брезгливое презрение. В деревнях редко полагались на официальные бумаги; стоило главе клана и соседям засвидетельствовать сделку, как она считалась законной. Все в округе знали: вдова Ли выменяла Цю Хуаняня на две меры сорго. То, что семья Цю теперь пыталась отыскать лазейку в обычаях, было верхом бесстыдства.

Они только что честили юношу злобным и бессовестным? Что же, судя по всему, они просто описывали самих себя.

Под прицелом множества осуждающих взглядов Цю Чуаньцзун почувствовал себя неловко. Если бы не Цю Гуй — его единственный сын, в котором он не чаял души, — он бы ни за что не выставил себя на такое посмешище перед всей деревней Ду.

Их план был прост: пока Цю Хуанянь не прознал правду, надавить на него долгом сыновней почтительности и заставить несчастную жертву молить за своих мучителей перед судьёй.

В конце концов, в глазах Чуаньцзуна во всём был виноват этот «недоносок». Если бы Цю Хуанянь покорно отдавал все заработанные деньги семье или безропотно позволил снова продать себя в богатый дом, разве случилась бы вся эта беда?

С этой мыслью Чуаньцзун взглянул на Цю Хуаняня ещё более неприязненно.

Терпение Ду Юньсэ лопнуло, но юноша крепко сжал его ладонь, призывая хранить молчание.

Цю Хуанянь обвёл взглядом толпу жителей деревни Ду и, заметив притаившуюся среди людей госпожу Чжао, негромко рассмеялся.

— А ведь я знаю, за что именно схватили Цю Фу и Цю Гуя.

Эти слова заставили немногих посвящённых из рода Цю вздрогнуть. Впрочем, они быстро опомнились, решив, что Цю Хуанянь просто берёт их на пушку. Братьев Цю забрали внезапно: стражники без лишних слов сковали их и увели. Даже в родном Шанляне мало кто понимал истинную причину ареста, так откуда это знать Цю Хуаняню?

— Что, не верите? — Юноша лукаво прищурился. — Вчера госпожа Чжоу тайком приходила в деревню Ду, чтобы встретиться с кое-кем. И этот «кое-кто» прекрасно осведомлён о делах ваших братьев.

В деревню Ду вела лишь одна широкая дорога. Те, кто вчера трудился на окраине, принялись внимательно разглядывать лицо мачехи, и по толпе пошёл гул узнавания.

— Точно, она! Вчера после полудня пробиралась в деревню. Я ещё подумал: неужто к кому дальняя родня пожаловала?

— И зачем она к нам пришла? Если к Хуаняню, так чего сегодня шум поднимать?

— Судя по словам Хуаняня, кто-то из наших спелся с этими из Шанляна?

Госпожа Чжао, почуяв неладное, попыталась незаметно ускользнуть домой, но она стояла слишком близко к первым рядам. В плотной, как стена, толпе она лишь обливалась потом, не в силах пробиться наружу.

Цю Хуанянь многозначительно добавил:

— Всё тайное рано или поздно становится явным. Путь для вестей много, и не надейся, что сможешь скрыть содеянное.

Услышав это, госпожа Чжоу первым же делом подумала: стоило ей вчера уйти, как Чжао, спасая собственную шкуру, побежала к Цю Хуаняню и выдала их с потрохами.

Вся накопленная ярость и обида мачехи выплеснулись в один миг. Она безошибочно вычислила госпожу Чжао в толпе и, бросившись вперёд, мёртвой хваткой вцепилась ей в волосы.

— Это всё ты! Ты погубила мою семью! Думаешь, выйдешь сухой из воды? Да я сейчас перед всей твоей деревней выложу, какую кашу ты заварила! Коли мне суждено страдать, так и ты со мной пойдёшь!

Госпожа Чжао взвизгнула от боли:

— Быстрее! Оттащите её! Побейте её!

Видя, что начинается свалка, Ду Юньсэ заслонил собой Цю Хуаняня и отвёл его подальше.

Главы клана не было, и главными в деревне сейчас оставались его старший сын Ду Баожэнь и невестка Мэн Фуюэ. Фуюэ, вспомнив, как Чжао заносчиво отказала её племяннику Мэн Юаньлиню, лишь презрительно скривилась. Для вида она выкрикнула пару призывов к порядку, но и пальцем не пошевелила, чтобы разнять дерущихся.

Жену Баоцюаня в деревне недолюбливали за её спесивый нрав, а судя по крикам мачехи, дело принимало серьёзный оборот. Поэтому соседи госпожи Чжао тоже не спешили ей на помощь.

Ду Юньху порывался было вмешаться, но поймал на себе яростный взгляд жены, Вэй Люхуа, и тут же остыл, решив остаться в стороне.

Госпожа Чжоу, терзая Чжао, вопила на всю округу:

— Ты сама говорила, что Цю Хуанянь стал лисом-оборотнем, хвостом крутит перед каждым встречным! Сказала — лучше продать его в бордель, там ему и место! Ты божилась, что вдова Ли не подписывала бумаг, и коли мы не признаем сделку, правда будет на нашей стороне! Ты шептала, что Ду Юньсэ ещё не вернулся, в доме нет хозяина, и даже если Хуанянь заупрямится, можно найти другой способ! Ты...

С каждым выкриком мачехи взгляды жителей деревни Ду становились всё тяжелее. Люди из Шанляна попытались было оттащить Чжоу, но Мэн Фуюэ мгновенно преградила им путь.

— И куда это вы намылились? Драку затеять хотите? Забыли, чья это земля и кого тут больше?

Опомнившись, деревенские стены встали за спиной невестки Фуюэ. Цю Чуаньцзун, видя, что дело принимает скверный оборот, хотел было что-то выкрикнуть, но в суматохе не заметил, как из его рук исчезла поминальная табличка покойной жены.

Он кинулся искать её глазами и увидел того самого гээр, которого когда-то продал торговцу, не моргнув и глазом. Цю Хуанянь стоял поодаль, прижимая к груди бумажную святыню, и победно улыбался ему.

Чуаньцзун, вне себя от ярости, бросился к сыну, но в толчее кто-то сильно толкнул его в спину. Он рухнул в дорожную пыль, и прежде чем успел подняться, по нему прошлось несколько тяжёлых сапог.

Юнькан и Чуньшэн, проскользнувшие в свалку, обменялись довольными хлопками ладоней и, пользуясь малым ростом, мигом исчезли в толпе. Цзюцзю, стоявшая на страже, для вида прикрикнула на них, но и сама не смогла сдержать смешка.

Когда Чжоу и госпожу Чжао наконец разняли, вся их грязная подноготная уже была выставлена на всеобщее обозрение.

Мачеха сидела на земле — растрёпанная, в разорванном платье, под прицелом сотен глаз. Гнев её поостыл, уступив место горькому раскаянию за минутную вспышку.

Чжао очень хотелось крикнуть, что она не выдавала секретов Цю Хуаняню, но госпожа Чжоу не дала ей и слова вставить. С её головы был вырван клочок волос, губа распухла, и ей оставалось только исходить бессильной злобой.

В этот миг перед ними возникли изящные щиколотки. Подняв глаза, они увидели Цю Хуаняня,

который под руку с Ду Юньсэ подошёл к ним с кроткой улыбкой.

— Забыл сказать, — весело произнёс юноша, — на самом деле я знал лишь то, что мачеха вчера приходила к тебе, Чжао. О чём вы шептались, мне было неизвестно. Я узнал всю правду о похитителях ещё до того, как стража схватила Цю Фу и Цю Гуя. Видите ли, ту банду, что крала молодых гээр для продажи на юг, поймал Юньсэ вместе со своими друзьями.

Цю Хуанянь прищурился, словно маленький лис, и в его глазах заплескали искры торжества.

— Сюрприз, не правда ли?

Госпожа Чжоу сплюнула кровь и, лишившись чувств, повалилась на землю. Юноша лишь холодно взглянул на неё, крепче прижав к себе табличку с именем Мэй Сюээр.

— Ты... ты... — задыхаясь от ужаса, пролепетала Чжао. Впервые она почувствовала настоящий, леденящий душу страх перед этим юношей.

Цю Хуанянь уже собирался окончательно пригвоздить Чжао к позорному столбу, как вдруг по рядам пронеслось:

— Глава клана вернулся!

Ду Чжэньхэ, мрачнее тучи, вошёл в круг. Сыновья и невестки поспешили к нему, вкратце обрисовав суть дела.

Старик с силой ударил посохом о землю и обернулся к людям из Шанляна:

— Оговорили Хуаняня, задумали чёрное дело, да ещё смеете в дверях моих шум поднимать? Вы что же, решили, старик совсем из ума выжил и спуска вам даст?

Ду Чжэньхэ пользовался в округе немалым почётом. Все знали, что в молодости он повидал мир, имел вес в глазах уездного судьи и был крайне суров в гневе.

Семья Цю притихла, не смея поднять глаз. Недаром они выжидали, пока Ду Чжэньхэ уедет в город — без него их план казался верным. Кто же знал, что Цю Хуанянь уже всё разгадал, а глава клана вернётся так скоро?

Старик взглянул на лежащего в пыли Цю Чуаньцзуна:

— Хуанянь перешёл в дом Ли за сорго, и все эти годы вдова Ли любила его как родного сына. И по закону, и по совести он более не принадлежит роду Цю. Что же до бумаг — ваша глупость

не знает границ. Полмесяца назад Юньсэ и Хуанянь предстали перед уездным судьёй и официально оформили брачный союз. Даже если вы дойдёте до самого высокого суда, правда будет не на вашей стороне.

Сказав это, он распорядился:

— Связать госпожу Чжоу и Цю Чуаньцзуна. В мой свинарник их, до завтрашнего дня!

Люди из Шанляна было запротестовали, но, понимая свою вину и видя численное превосходство соседей, быстро сникли.

— Господин Ду, — выкрикнул кто-то из них, — разве вы не боитесь закона, хватая людей вот так просто?

Ду Чжэньхэ ответил с ледяным спокойствием:

— Просто хватаю? Я задержал пособников опасных преступников, покушавшихся на порядок в моей деревне. Где тут беззаконие? Напротив, сам уездный судья похвалит меня за бдительность.

Чуаньцзун пытался бежать, но молодые парни из деревни Ду мигом скрутили его. Когда соплеменники из Шанляна дёрнулись было на выручку, Ду Чжэньхэ отрезал:

— Вы тоже в свинарник хотите? Или сразу в кандалы, к братьям Цю?

Желающих искушать судьбу больше не нашлось.

Когда смутьянов увели, глава клана повернулся к Цю Хуаняню:

— Хуанянь, тебе пришлось несладко. Как нам поступить с твоим отцом и мачехой? Ты в своём праве.

Юноша опустил глаза и промолчал, удерживая за руку Ду Юньсэ, который уже готов был высказать всё, что думает. Сердце Цю Хуаняня сжалось от горечи и бессильной ярости, но он понимал, к чему клонит старик.

И Хуанянь, и Ду Юньсэ сразу разгадали умысел Ду Чжэньхэ. Упомянув лишь Цю Чуаньцзуна и госпожу Чжоу, он намеренно обделил вниманием госпожу Чжао. Он хотел её выгородить.

То, что Чжао сговаривалась с чужаками и подстрекала к похищению собственного родственника — преступление неслыханное, за которое её следовало гнать из деревни или

отдать в руки судьи. Но у неё был сын — Ду Юньцзин.

Пусть Юньцзин не был так одарён, как Юньсэ, он числился в рядах лучших учеников уездной школы и имел все шансы сдать экзамен на сюэя ещё до двадцати лет. Таким талантом в префектуре Сянпин не разбрасывались.

Через считанные дни Ду Юньцзину предстоял важный экзамен. Если его мать окажется замешана в грязном деле о похитителях, на карьере сына можно ставить крест. Ду Юньсэ был гордостью клана, «цилинем» семьи Ду, но и Ду Юньцзин оставался надеждой деревни. Глава клана не мог позволить одному юноше погубить будущее другого, не имея прямых доказательств вины самого ученика.

Ду Чжэньхэ заботился о клане. Его привязанность к Юньсэ и покровительство Юньцзину произрастали из одного корня — блага рода. И он не мог пожертвовать одним ради другого.

Мэн Фуюэ тоже всё поняла. Она порывалась что-то сказать, но Баожэнь предостерегающе сжал её руку.

Видя явное недовольство Ду Юньсэ, глава клана терзался сомнениями. Лишь когда он заметил, как Цю Хуанянь сдерживает мужа, старик с облегчением вздохнул.

Юноша прикрыл глаза. Смерть прежнего владельца этого тела ещё не была отомщена, а он сам едва не канул в бездну из-за козней госпожи Чжао. Конечно, он хотел покончить с ней прямо сейчас. Но раз глава клана встал на её защиту, сегодня он ничего не сможет сделать.

Цю Хуанянь встретился взглядом с Ду Чжэньхэ. Глядя на его седины и прямую спину, юноша медленно сжал кулаки. Он не мог винить старика. Глава клана был классическим главой патриархального рода. Для него добродетель и ритуалы были святы, но интересы клана стояли превыше всего.

Когда-то именно по этим причинам он помогал семье Хуаняня. Теперь по тем же причинам он защищал другого.

Цю Хуанянь чувствовал лишь удушающее бессилие. Всё было готово, чтобы одним ударом сокрушить врага и обезопасить своё будущее, но несколько слов главы клана разрушили этот триумф. В конце концов, его собственная сила была ещё слишком мала, а положение — слишком низко.

Почувствовав, как Ду Юньсэ крепко сжимает его ладонь, юноша ободряюще улыбнулся ему, давая понять, что он в порядке.

Если сегодня нельзя достать госпожу Чжао, нужно использовать этот миг, чтобы добиться того, о чём в другое время и просить бы не смел.

Под взглядами всей деревни Цю Хуанянь поднял поминальную табличку матери и обратился к Ду Чжэньхэ:

— Прочее я оставлю до времени. Но у меня есть одно требование: я желаю перенести могилу моей матери. Я заберу её прах из Шанляна и похороню здесь, на кладбище деревни Ду.

Толпа ахнула. Цю Чуаньцзун из своего заточения закричал:

— Твоя мать вышла замуж в род Цю! Живой она была нашей, и мёртвой останется нашей тенью! Какое право ты, никчёмный гээр, имеешь трогать прах рода Цю!

Цю Хуанянь одарил его ледяным взглядом:

— В таком случае, я требую развода.

Люди вокруг зашущукались: «Развод... развод... Да ведь она уже сколько лет как в земле лежит!»

Как можно развестись с покойницей? Но юноша был непреклонен:

— Раз у живых хватает дерзости устраивать свадьбы с призраками, отчего бы мёртвым не дать развод живым? Правила живых людей доходят и до Подземного мира, закон один.

Он ровным голосом изложил свои доводы:

— После развода с Цю Чуаньцзуном я останусь единственным её наследником. Перенос могилы станет моим сыновним долгом. А раз я теперь человек деревни Ду, то и мать моя должна покоиться рядом со мной.

Логика Цю Хуаняня была безупречна, и хотя всё это отдавало чем-то неслыханным и пугающим, возразить ему было нечего.

— Глава клана, как вы считаете, справедливо ли моё требование?

Юноше не нужно было одобрение толпы. Сейчас, когда семья Цю была повержена, ему нужно было лишь согласие Ду Чжэньхэ.

Старик не ожидал такого хода. Цю Хуанянь, уступив в деле госпожи Чжао, тут же выставил ему счёт, который трудно было оплатить. Ду Чжэньхэ погладил бороду, раздумывая.

— Развод для женщины — дело непростое, полное преград. На каком основании ты требуешь

его для покойной матери? Без веской причины это лишь бросит тень на её имя и на твою репутацию.

Глава клана не одобрял затеи, но, только что выгородив Чжао, он понимал, что не может снова отказать юноше.

Тот уже подготовил ответ:

— Цю Фу и Цю Гуй сговорились с похитителями, чтобы погубить меня. Попались они лишь благодаря Юньсэ. С этой семьёй у меня более нет ничего общего, я отрекаюсь от всякого родства. Дух моей матери не желает оставаться в роду преступников и бесчестных людей. Она явилась мне во сне и просила освободить её от уз с этим человеком.

— ...

Ду Чжэньхэ пристально посмотрел на Цю Хуаняня. Сказка про сон была шита белыми нитками, но этого было достаточно. Для юноши разрыв с отцом-палачом и исполнение воли матери были делом чести. А для покойной Мэй Сюэзэр желание даже после смерти отделиться от преступника было понятно каждому — её могли бы даже назвать образцом добродетели.

Ду Чжэньхэ вдруг засомневался: правильно ли он поступил, огорчив Цю Хуаняня ради Ду Юньцзина? Но отступить было поздно — тот всё же был надеждой всего рода Ду. Для процветания клана нужен был мир и равновесие внутри, нельзя было допустить великой смуты.

Наконец, старик вздохнул:

— В словах Хуаняня есть смысл. Позже мы призовём старосту и поручителя-дибао для свидетельства. Пусть Цю Чуаньцзун подпишет бумагу о разводе, а мастер иньян выберет добрый день для переноса могилы.

Чуаньцзун хотел было взбунтоваться, но, зажатый крепкими руками деревенских парней, понял: подпишет он по доброй воле или нет, бумага будет готова.

Когда толпа разошлась, все направились к дому главы клана. Цю Хуанянь собственноручно начертил текст о разводе. После того как Ду Чжэньхэ и свидетели поставили свои подписи, Цю Чуаньцзуна заставили приложить палец к бумаге.

Из свинарника неслись проклятия:

— Ублюдок! Тварь! Надо было тебя в колыбели придушить! Сукин сын... у-у-у...

Мэн Фуюэ, не выдержав этого лая, зачерпнула горсть свиного навоза и запихнула Чуаньцзуну прямо в рот, после чего преспокойно пошла мыть руки.

Цю Хуанянь спрятал бумагу за пазуху и подошёл к свинарнику. Глядя сверху вниз на Чуаньцзуна, он тихо произнёс:

— Когда я жил в Шанляне, я был мал, но уши у меня были на месте. Я прекрасно знаю, почему Мэй Сюэээр, бежавшая от голода, вышла замуж за такое ничтожество, как ты. Развод, должно быть, был её заветной мечтой долгие годы. При жизни не вышло, так хоть после смерти свершилось. Цю Чуаньцзун, за каждое зло рано или поздно приходит расплата. Думаешь, тебя миновало? Ошибаешься. Я — твоя расплата.

Назвав отца по имени, юноша развернулся и ушёл. Перед самым выходом Ду Юньсэ вдруг остановился и низко поклонился главе клана.

— Юньсэ, ты...

— У меня нет причин упрекать вас, глава клана. Но раз госпожа Чжао и её сын раз за разом пытаются погубить моего мужа, я, Ду Юньсэ, этого просто так не оставлю.

Не дожидаясь ответа, Ду Юньсэ поспешил вслед за Цю Хуанянем.

Юноша шёл быстро, опустив голову. Лишь у берега реки, где не было ни души, он словно сдулся. Напряжение покинуло его тело, и он молча уставился на текущую воду.

Ду Юньсэ не мог скрыть боли в глазах. Он чувствовал вину: если бы он уже обладал весом в обществе, Цю Хуаняню не пришлось бы сегодня глотать обиду. Преступница была известна, но им пришлось позволить ей уйти безнаказанной.

Цю Хуанянь чувствовал небывалую усталость. Чужие воспоминания и его собственные чувства переплелись в груди тугим узлом. Глядя в тревожные, полные любви глаза Ду Юньсэ, он вдруг почувствовал, как сердце пропустило удар, а в носу предательски защипало.

Он судорожно вздохнул и глухо произнёс:

— Я возьму деньги, куплю матери лучший гроб и позову самого знатного мастера иньян.

— Хорошо.

— Похороним её напротив могил твоих родителей, в той ложбине. Там горы красивые, вода чистая, и оттуда видно... видно...

— Хорошо.

— Ду Юньсэ, постарайся поскорее стать чжуанъюанем. Я хочу, чтобы эта обида была последней.

— Хорошо.

Ду Юньсэ не выдержал и осторожно обнял мужа. Он не смел касаться его слишком крепко — его руки лишь едва ощутимо, словно пёрышко, легли на стройную спину юноши сквозь тонкую ткань одежд.

В этом сдержанном, но полном нежности объятии Цю Хуанянь постепенно успокоился.

— Пойдём домой, — он покачал головой и слабо усмехнулся. — Цзюцзю и Чуньшэн, небось, уже все углы обшарили. Пора ужинать.

— Пойдём, — Ду Юньсэ шагнул с ним плечом к плечу.

Хотя глава клана и выгородил госпожу Чжао, слова мачехи, сказанные при всём честном народе, не забылись. Деревенские теперь всё понимали. Куда бы Чжао ни пошла, она чувствовала за спиной шепотки и косые взгляды. Фубао тоже перепало — на улице с ним больше никто не хотел знаться. Остаться в деревне стало неважноту, и они решили пораньше уехать в город, поближе к Ду Юньцзину.

Поначалу Чжао хотела нанять лишь одну повозку для себя, сына и Ду Юньцзина, а Ли Гуэр и Ду Баоцюаня заставить примазаться к телеге главы клана, который вёз Ду Юньчэна на экзамены. Но после случившегося Чжао понимала — перед Ду Чжэньхэ ей больше не показаться. Пришлось, скрепя сердце, нанимать две повозки.

Путь до города занимал три дня, и каждая телега стоила три цянтя серебром. Сердце Чжао обливалось кровью при виде этих трат, а попрёки мужа, Ду Баоцюаня, лишь добавляли горечи. Он ведь сам ни словом не возразил против её планов, а теперь строил из себя праведника!

В ночь перед их отъездом Цю Хуанянь и Ду Юньсэ вышли прогуляться к реке и — какая встреча — снова столкнулись с Ли Гуэр. Она шла со стороны леса, низко опустив голову, и заметила их лишь в последний миг. При виде Хуаняня в её глазах мелькнул страх и люта я злота, но стоило ей перевести взгляд на Ду Юньсэ, как она застыла на месте.

Прежде она лишь завидовала юноше, что его приметил Ду Юньцзин, и верила сплетням о «никчёмном» Ду Юньсэ. С тех пор как муж Хуаняня вернулся, а сам он начал богатеть, она сторонила их дома, боясь расплаты. Сегодня она впервые увидела Ду Юньсэ вблизи.

Лунный свет серебрил реку, а стоящий перед ней мужчина казался воплощением благородства — чистый, как нефрит, единственный во всём мире. Её обожаемый Ду Юньцзин рядом с ним померк бы, словно светлячок перед полной луной.

Цю Хуанянь заметил, как Гуэр уставилась на его мужа. В груди шевельнулось странное недовольство. Он шагнул вперёд, заслоняя Ду Юньсэ:

— Сестрица Гу, и с кем это ты сегодня свидание в лесу устроила?

Ли Гуэр очнулась и принялась несвязно оправдываться:

— С кем мне видеться? Не болтай чепухи! Просто вышла воздухом подышать.

Сказав это, она поспешно скрылась, прижимая к груди какой-то свёрток.

Другого пути у неё не было. Поездка в город с Ду Юньцзином была её единственным шансом, и она не собиралась его упускать. С этими двумя снадобьями, что достал ей старый дружок из родной деревни, успех был ей обеспечен.

На рассвете следующего дня семья Чжао со всеми пожитками покинула деревню. Ду Юньху правил мулом, увозя их в уезд Чжан, к Ду Юньцзину. К вечеру он вернулся один, и Вэй Люхуа, избавившись от надзора свекрови, наконец пришла к Цю Хуаняню.

— Ну и перепугалась я тогда, — она зябко передёрнула плечами. — Всё боялась, что госпожа Чжао догадается, кто донёс тебе об их сговоре.

— Я знал, что вы ещё не разделили хозяйство, потому и сберёг твою тайну.

Юноша нарочно сказал, что не знал сути разговора, а лишь видел приход мачехи — так госпожа Чжао и госпожа Чжоу решили, что он просто взял их на испуг.

Цю Хуанянь протянул кусочек сорговой ириски Ю-гээр. Малыш, хоть и оставался худеньким, больше не пугал мертвенной бледностью. Его глазки сияли, а остренький подбородок вызывал лишь умиление.

Люхуа взглянула на новый гроб, стоящий под грушей во дворе. Цю Хуанянь отдал за него целый лянь серебра: дерево было в три цуня толщиной, украшенное яркой росписью.

— С днём переноса уже решили?

— Решили. Со старостой Шанляна тоже договорились. Мастер иньян указал на день через три дня. Мы накроем несколько столов, так что приходите обязательно.

Люхуа обещала помочь на кухне. Она всё ещё не могла поверить, что юноша сумел повернуть такое: развести покойную мать и забрать её прах из чужого рода.

В доме Цзюцзю сражалась с двумя рулонами хлопковой ткани. Она уже выучила каждый узор на полотне, но никак не решалась взяться за ножницы, боясь испортить дорогую вещь. Люхуа зашла к ней и принялась давать советы, показывая на пальцах, как кроить. Цю Хуанянь, вспомнив, что хотел нанять сестре учительницу, предложил:

— Невестка, коли будет время, поучи мою Цзюцзю. Я подготовлю дары и оплату за уроки.

Люхуа замахала руками:

— Да чего там, пусть прибегает, когда захочет, всё покажу!

Но юноша настоял:

— Я хочу, чтобы она переняла всё твоё мастерство. Ремесло — это хлеб, и по закону нужно соблюсти обряд ученичества. Так и она будет прилежнее.

Вэй Люхуа, которой вечно не хватало денег, немного посомневалась и сдалась:

— Хорошо, обещаю — ничего не утаю, всё, что сама знаю, ей передам.

А мастерство Люхуа в шитье было известно на всю деревню Ду.

Цзюцзю так и просияла. Она выбежала из комнаты и низко поклонилась невестке, как учил Ду Юньсэ. Та от смущения покраснела, но на сердце у неё стало тепло. Впервые её ценили за её умение, а не использовали, как прежде свекровь или золовка.

Цю Хуанянь собрал для Люхуа подношение: полцзиня мяса, шесть яиц, тарелку ирисок и сушёный тофу — всего четыре щедрых дара. Плату за обучение Вэй Люхуа наотрез отказалась брать сейчас, сказав, что возьмёт лишь когда Цзюцзю покажет первый успех.

В тот же вечер в деревню вернулся Ду Юньчен. Он приехал из уездной школы, чтобы поклониться предкам перед отъездом в город на экзамен на туншэна. Глава клана очень хотел, чтобы Ду Юньсэ дал внуку пару советов, но после истории с госпожой Чжао не знал, как подступиться. В итоге Мэн Фуюзэ на следующее утро сама пришла к Ду Юньсэ с подарками, ведя за собой Юньчена.

Ду Юньсэ не стал отказывать. Он увёл Ду Юньчэна в главную комнату, чтобы проверить его познания и подсказать, как лучше раскрывать темы в сочинениях. Цю Хуанянь прибрал мясо и яйца и присел поговорить с Фуюэ во дворе.

— Сама бы я эту Чжао в клочья разорвала, — призналась Мэн Фуюэ. — Да что поделывать, если у неё сын в учениках числится. Свекор не может бросить талантливого парня по фамилии Ду, вот ей и сошло с рук. Ты не держи зла, случай ещё представится.

Юноша улыбнулся:

— Глава клана много помогал нам с Юньсэ. Мы не обижаемся. Даже если бы он сам прислал Юньчэна, Ду Юньсэ не стал бы отказывать.

— Знаю я, что вы оба — дети с чистой душой. Просто свекру самому совестно, вот он и глаза прячет.

Мэн Фуюэ взглянула на гроб:

— Мы с мужем едем с Юньчэном в город, так что на переносе могилы нас не будет. Но Баожэнь уже обо всём договорился: и люди для поездки в Шанлянь будут, и яму выкопают — тебе и заботиться не о чем.

— А что с моим отцом и мачехой? — спросил Цю Хуанянь.

Фуюэ заметила, что он перестал называть их родителями, и про себя лишь похвалила его за твёрдость.

— Сидят пока в свинарнике. Воду и еду даём, не помрут. Свекор со старостой Шанляня сговорился — пусть посидят взаперти, пока ты мать не перевезёшь, чтобы воду не мутили.

Шанлянь был деревней со множеством разных фамилий, род Цю там не был главным. Староста не собирался ссориться с деревней Ду из-за такого ничтожества, как Цю Чуаньцун. В деле переноса праха Ду Чжэньхэ действительно приложил все силы, чтобы искупить свою вину перед Цю Хуанянем.

Ду Юньсэ наставлял Ду Юньчэна больше часа. Когда тот вышел, дед сразу спросил его:

— Ну, что сказал Юньсэ?

— Брат Юньсэ проверил моё знание «Четверокнижия» и «Канона сыновней почтительности». Просил прочесть мои сочинения из школы — все ошибки указал, всё растолковал.

Ду Юньчен помедлил и добавил:

— Знания брата далеко превосходят уровень сющая. Думаю, он и на цзюйжэня, и на цзиньши сдать может. И что удивительно — какими бы простыми ни казались ему мои вопросы, он ни разу не выказал нетерпения.

Юноша уже слышал о кознях Чжао против невестки Цю Хуаняня и в душе не одобрял выбора деда. Проучившись месяц в одной школе с Ду Юньцзином, он не нашёл в том ничего достойного похвалы.

Ду Чжэньхэ лишь вздохнул:

— Юньсэ — золотой ребёнок. Бери с него пример и держись его. А ты, невестка, — обратился он к Мэн Фуюэ, — присматривай за Хуанянем в наше отсутствие.

В полдень Ду Юньчен засобирався в путь. Нанятая повозка уже ждала у околицы, и полдеревни вышло проводить его. Мэн Удун пригнал мула, привезя кузена Лина. Тот долго мялся, а потом, улучив миг, отвёл Юньчена в сторону и сунул ему в руки мешочек.

— Сам сшил! Внутри травы для ясности ума, в городе заказывал. Только попробуй нос воротить!

Юньчен сжал подарок:

— Кузен Лин, откуда у тебя деньги на такое?

Мэн Юаньлин самодовольно улыбнулся:

— Я Хуаняню сахар помогал продавать, он мне и выделил долю. Учись давай прилежно, в городе не озорничай и смотри не разболейся!

Сказав это, кузен Лин быстро упорхнул, боясь чужих взглядов. Этот короткий миг никто не заметил. Ду Юньчен ещё долго смотрел вслед Юаньлиню. Он и сам не понимал почему, но ему вдруг захотелось подольше посмотреть на эти ямочки на щеках, когда тот улыбается.

С другой стороны повозки Мэн Фуюэ давала наказания Цю Хуаняню:

— На дорогу три-четыре дня уйдёт, там ещё пока экзамены, пока результаты... Вернёмся не раньше чем через две недели. Видать, на посадку хлопка не успеем. Ты наших младших, второго да третьего, гоняй как хочешь, не стесняйся.

Юноша улыбнулся:

— Пусть Юньчэну сопутствует удача на экзаменах. В добрый путь!

— Твоими бы устами... Мы пока дорогу разведаем, всё разузнаем, чтобы Юньсэ потом легче было.

Когда Ду Юньчен с родителями уехали, Цю Хуанянь с головой ушёл в дела. Хоть глава клана обо всём и распорядился, юноша сам проверял каждый шаг мастеров иньян, чтобы не было промашек. Перенос могилы — дело скорбное, но после него полагалось угостить помощников.

Юноша заказал в лавке Мэн двадцать цзиней тофу, купил столько же костей, десять цзиней мяса и рыбы. Запасся рисом, мукой, лапшой и сахаром — набралось на десять щедрых столов. Главным блюдом должны были стать пышные маньтоу с кукурузной мукой, а к ним — тофу с луком, сладкие рисовые шарики, рыба в соусе, мясо с лапшой и наваристый костный бульон.

Женщины деревни Ду сами пришли помочь. Заранее подготовили овощи, нарезали всё и укрыли в прохладе, чтобы в нужный день только бросить в котёл.

В день переноса Ду Юньсэ встал пораньше. Вместо книг он взял опрыскиватель с удобрениями и обработал рассаду хлопка, после чего они с Цю Хуанянем подняли лотки на крышу — ловить солнце. Собравшись, они погрузились в повозки. Четыре телеги, одолженные у родни и соседей, с шумом покатали к Шанляну.

До урочного часа оставалось чуть больше часа. Староста Шанляна встретил их чинно и велел проводить к дому Цю Чуаньцзуна.

Шанлян за эти годы почти не изменился. Юноша узнавал знакомые повороты, хотя в памяти они были мутными и серыми. А вот жители деревни с трудом узнавали Цю Хуаняня. Его продали в десять лет, и в памяти людей он остался заморышем, в котором только кости и кожа. Видя сейчас впереди красивого, статного гээр с открытым взглядом, многие протирали глаза.

«Это Хуанянь? Неужто он?»

Они понимали — это он. Лицо его было точной копией красавицы Мэй Сюэээр. В их деревне больше не было таких лиц.

В доме Цю братья Чуаньцзуна попрятались, боясь, что и их заметут вслед за Цю Фу и Цю Гуем. Позор семьи Цю уже не был секретом, и соседи других фамилий прямо заявили: коли из-за них в деревню нагрянет беда, пусть убираются на все четыре стороны. Род Цю остался один против всех.

Наконец к ним вышла дряхлая старушка — бабушка третьего дяди. Она дрожащими руками

отпёрла дверь. Цю Хуанянь помнил её: когда он в детстве умирал от голода и прибежал к ней, она сунула ему кусок соргового коржа. Но стоило её сыну это увидеть, как разразился скандал, юношу избили, а старуха больше не смела ему помогать.

Юноша поддержал её под локоть. Старушка долго всматривалась в него слезящимися глазами:

— Неужто Хуанянь вернулся?

— Это я, бабушка.

— Хорошо... Ну и славно...

Ду Юньсэ открыл дверь, и Цю Хуанянь вошёл в дом. Он усадил гостей на лавки во дворе. Старушка замялась, и юноша мягко сказал:

— Здесь все свои. Говорите, что на сердце, никто лишнего не узнает.

С ним пришли только те, кому он доверял.

— Ты мать пришёл забирать? — прошамкала она.

Юноша кивнул.

— И развод вправду дали? Сюэээр больше не из рода Цю?

Когда юноша подтвердил это, старуха вдруг разрыдалась, закрыв лицо костлявыми ладонями:

— Ох, беда... Сколько горя-то...

Цю Хуаняню и самому стало не по себе, но он должен был спросить:

— Бабушка, я помню, это ведь вы нашли мою мать. Говорят, она не по воле своей за Чуаньцзуна пошла. Расскажите, как всё было?

Старуха долго плакала, но под расспросами начала рассказ. Это было лет восемнадцать назад. Границы полыхали в огне, на юге бушевали потоки вод, Поднебесная стонала от смут. Через уезд Чжан шли толпы беженцев, и тела на дорогах стали привычным делом. Однажды старуха пошла в лес за травами и нашла там девушку лет двадцати. На ней была простая одежда, но кожа её была нежной и белой — не крестьянская кость. Старуха думала — мёртвая, но та едва дышала.

Она выходила её, но девушка молчала о своём роде и доме. Прошло время, и семья Цю начала косо поглядывать на лишний рот.

— В тот день Чуаньцзун сказал, что на ярмарке дёшево птицу продают, и я ушла спозаранку. Вернулась — а в доме никого, только мать твоя на кане плачет, одежда в клочья, лицо и руки в кровь исцарапаны... Тогда я поняла — свершилось чёрное дело. Она в петлю лезть хотела, да я удержала. Сказала ей — живи, хоть как, да живи. Коли дома нет и родных не найти, оставайся здесь. Чуаньцзун хоть и никудышный, а руки-ноги на месте, прокормит. Я обещала ей, что свадьбу справим, что в обиду не дам... Знала бы я тогда, какой он зверь!

Старушка горько всхлипнула:

— Как ты родился, Чуаньцзун озлобился, что ты гээр. Мать твоя сохнуть начала, детей больше не давала, да и красота её стала его злить. Стал он её бить, запирает, ни к кому не пускал. Я сколько ни билась — стена. Она ещё жива была, а он уже с Чжоу путался, в дом её водил. В последний раз я её видела — кожа да кости, с кана встать не могла. На тебя взглянула, хотела что-то сказать, да смолчала. Знала, бедняжка, что слова мои веса не имеют, и просить меня — только воздух сотрясать. Напоследок она мне лишь шепнула... сказала: «Бабушка, лучше бы я тогда умерла». Сказала: «Не хочу после смерти здесь лежать. Хочу развода. Хочу домой».

Старуха разрыдалась в голос:

— Грех-то какой! Грех!

Жители деревни Ду слушали, и у многих на глазах наворачивались слёзы. Ду Юньсэ крепко сжал руку Цю Хуаняня, глядя на него с безмерной нежностью.

— Бабушка, — севшим голосом спросил юноша, — вы знаете, откуда она была?

Старушка покачала головой:

— Молчала она как камень. Даже в самые горькие часы ни слова. Но поговору... чудилось мне, что с юга она. Помню только, как я её только приютила, она сказала, что Сюэээр — это так, домашнее имя. А по-настоящему её зовут Мэй Чжэнчунь. Просила никому не говорить.

— Чжэн — как в слове «соперничать», и Чунь — как «весна»? — уточнил юноша.

— Да, да... Она говорила — цветы сливы-мэй ведь не оттого в снегу цветут, что холод любят. Они просто не желают мириться с зимой, хотят в гордости своей оспорить право на весну, оттого и распускаются раньше всех. Эти слова я на всю жизнь запомнила, но она сама больше никогда то имя не поминала.

Цю Хуанянь долго молчал. В памяти прежнего владельца тела мать всегда была бледной

тенью, бессловесной и слабой. Лишь сегодня он увидел, какой гордой и вольной девочкой она была когда-то.

Ду Юньсэ тихо прошептал ему на ухо:

— Теперь мы знаем имя. Мы будем искать её дом, сколько потребуется. Клянусь, мы найдём, откуда она пришла.

Юноша закрыл глаза и глубоко вздохнул:

— Ты прав. Сегодня лишь первый шаг. Мы обязательно найдём её дом.

<http://bllate.org/book/15363/1372837>